

Арикад-царевич

В некотором царстве, в государстве, был царь, у него было три сына. Государева жена была очень хороша, пошла она в сад гулять. Откуда вихорь ни поднялся, унес эту государыню. Сколько времени прошло, дети соскучились по мамаше по своей. Приходит старший к отцу. «Благословите, папаша! Я поеду мамашу искать!». Вот он первого сына благословил, пустил его, дал ему войско. Отправились в путь, едут день, два. Приезжают к столбу, у этого столба три дороги, и на нем надпись: «По первой дороге ехать — пути-дороги не найти; по другой дороге ехать — самим убитым быть; по третьей ехать — коням убитым быть». Поехали они по первой дороге, ехали, ехали, приехали в лес, в такую глушь, что некуда идти. Так они тут и остановились.

Сколько времени прошло, другой сын и просится у отца: «Благослови меня, папаша! Я поеду мамашу искать!». Вот он отпустил и этого, войско также дал ему. Тоже и этот приехал к этому столбу, читает надпись: «По первой ехать — пути не найти; по второй самому убитому быть; по третьей — коню убитому быть!». — «Лучше, говорит, поеду по первой!». Вот он ехал, ехал, увидал: стоит полк в лесу; он думал, что неприятели, а это его брат с войском. Увидал брат, обрадовался; погуляли они тут. «Как же, говорит, брат, быть? Ведь нам выйти некуда!».

Потом меньшей брат просится у отца: «Папаша! Благослови, я поеду мамашу искать!». Только ему и говорит отец: «Куда ты поедешь? Малолетний еще, нигде не был!». Он (Арикад-царевич звался) просил неотступно; отец благословил и этого, отпустил его, войско дал ему. Отправился он в путь, ехал день, два. Подъезжает он к этому столбу, видит на столбе ту же надпись, прочел и поехал по первой же дороге. Ехал день, два, приезжает в лес, видит: стоит полк солдат. Оробел он, велел своим солдатам приготовиться. Подъезжает ближе и узнал, что это его братья. «Что же вы, братья, так мамашу свою ищете?». А этим братьям дошло дело до того, что провизии нету. Вот они попили, поели с братом. Арикад-царевич и говорит: «Что же, братцы! Надо провести дорожку, заставим войско рубить лес!».

Прорубили им дорожку. Только Арикад-царевич и говорит: «Надо нам, говорит, войско отправлять домой! А то, говорит, неприятель увидит,

подумает, что мы идем огонь открывать!». — «Ну, что же, говорят, отправим!». Написали отцу пакет, что они живы и здоровы и отправили свой полк, а сами в путь отправились. Только приходят те солдаты, приносят царю пакет. Стал он читать и обрадовался: дети его все трое живы!

Вот эти братья шли, шли, пришли, видят: дом стоит. Арикад-царевич и говорит: «Погодите, братцы, я в этот дом схожу!». Вот только пошел он в этот дом, ходил, ходил он в этом доме, нет ничего там, только нашел: один клубочек на столе лежит. Взял этот клубочек, пошел оттуда. Только братья его и спрашивают: «Что, брат, там видел?». — «Нет, говорит, там нет ничего, только нашел один клубочек». Вот он этот клубочек пустил, он покатился и катится все, а они за ним идут. Как ночь — этот клубочек и остановится, как день — он опять покатится у них. А они все за ним идут.

Вот этот клубочек катился, катился и укатился прямо под камень. Они давай этот камень сворачивать. Своротили этот камень, видят: там нора, а клубочка нет. Вот Арикад-царевич и говорит: «Ну, братья, лезьте!». Они говорят: «Нет, говорят, мы не полезем: страшно!». — «Так-то вам мамашу-то искать! Разве так-то ищут?». Вот нечего делать, заплакал Арикад-царевич, полез сам. Полез, влез туда, ходит там, нашел там одни когти железные, взял их, пошел оттуда; братья его и спрашивают: «Что ты там видел?». — «Там, говорит, нет ничего; только и нашел одни когти железные!». Опять отправились они в поход.

Шли, шли, пришли к такой горе — страшно взглянуть: очень высока. Только братья и говорят старшему: «На, брат, когти, полезай!». Вот этот брат влез немного, слезает: «Нет, брат, боюсь! Полезай ты!». Второй брат на нее полез, влез немного, слезает: «Нет, брат, полезай ты, я боюсь!». — «Так-то вы мамашу ходите искать! Разве так-то ищут?». Арикад-царевич с ними распростился и полез, сказал, чтоб они дожидались его.

Вот лез, лез Арикад-царевич, влез, ходит он там. Видит: стоит там чугунный мужичок, держит дубинку в руках. Снял он свои когти и повесил на этого мужичка, сам отправился в поход. Идет день, два, подходит, видит: медный дворец стоит. У этого дворца стоят медные ворота, у этих ворот стоят два льва привязаны. День жаркой такой был. Этот Арикад-царевич натаскал воды этим львам, напоил их. Они его пропустили. Взошел он в этот медный дворец; сидит девушка, вышивает в пальцах, такая красавица. Увидела она его. «А, здравствуйте, Арикад-царевич! Как, говорит, вас бог сюда занес? Волею или неволею?». Он говорит: «Не то что волею или неволею, а больше своею охотою!». — «Как, говорит, ты сюда взошел? Здесь змей трехглавый,

он съест тебя!». — «А где, говорит, он теперь?». — «Он теперь в саду спит. Осталось ему еще три минуты спать». — «А чем вы его будите?». — «Вот, говорит, этой трехпудовой дубинкою». Вот этот Арикад-царевич взял эту трехпудовую дубинку, пошел в сад, где змей спит.

Подходит к змею, видит: он спит, лежит. Вот он вытянул (ударил) раз этого змея дубинкой, змей лежит, не ворочается. В другой раз как он его вытянет дубинкой, этот змей засопел. В третий раз его вытянул, змей разинул свои три пасти. «А, говорит, Арикад-царевич! Ты беспокоить меня сюда пришел. Я тебя на одну ладонь посажу, другой прихлопну, мокренько будет!». — «Попробуй, говорит, попробуй, змей проклятый! Всего не съешь, подавишься». Вот они разошлись, Арикад-царевич как ударит его дубинкой — голову ему сшиб, ударит в другой — другую сшиб, ударит в третий — последнюю сшиб. Огонь разжег, змея сожег и пепел размел, стоит, трубочку покуривает. Отправился он в этот дом к этой девице. Приходит, та спрашивает: «Что?». — «Убил, говорит». Стала она его расспрашивать: «Скажи, Арикад-царевич, куда ты идешь?». — «Мамашу отыскивать свою». Вот она ему и говорит: «Возьмешь меня замуж, тогда скажу, где твоя мамаша!». Он и говорит: «Возьму!». Она сняла перстень с своей руки, дала ему. Сказала ему: «Ступай к моей сестре, серебряный дворец придет, она тебе скажет!». Он отправился в путь.

Приходит, видит: серебряный дворец стоит. У ворот стоят два льва привязаны, пасть разинули, пить хотят. Он им натаскал воды, напоил их. Они его пропустили, эти львы. Приходит в дом, видит: такая красавица сидит, за пальцами вышивает, еще лучше этой. «Здравствуй, говорит, Арикад-царевич! Зачем тебя бог к нам занес?». Он ей рассказал. Она и говорит: «Ах, Арикад-царевич! Змей шестиглавый прилетит, он тебя съест. Ему осталось только шесть минут спать!». — «Авось, говорит, бог поможет. А чем вы, говорит, его будите?». — «Шестипудовой дубиночкой!». взял он эту дубиночку, пошел в сад, змея этого давай дубинкой бить. Змей разинул свои пасти. «А, Арикад-царевич! Ты моего брата похитил (убил): меня не придется. Я, говорит, тебя на одну ладонь посажу, другой прихлопну, мокренько будет». — «Врешь, говорит, змей проклятой, с головы костист..., всего не съешь, подавишься!». Вот этот змей разозлился, налетел на Арикада-царевича, он хватил его дубинкой, три головы долой с него сшиб. В другой раз хватил его дубинкой, две срубил, в третий раз ударил, последнюю сшиб. Развел огонь, сжег его, пепел размел, трубочку закурил, пошел во дворец. Пришел, она и спрашивает: «Что, Арикад-царевич, убил?». — «Убил, говорит». Она ему и говорит: «Возьмешь меня замуж, скажу, где

мамаша твоя». — «Возьму, говорит». Она дала ему перстень. «Ступай, говорит, к моей сестре; золотой дворец придет, она тебе скажет!». Он отправился.

Приходит к золотому дворцу, так жар и горит от него. Стоят два льва, пасть разинули, жарко очень; он взял, напоил их, они его пропустили. Пришел он во дворец. Видит — такая красавица сидит, шьет. «А, здравствуй, Арикад-царевич! Зачем вас сюда бог занес?». Он ей рассказал все. Только она и говорит: «Ах, зачем ты сюда пришел. Прилетит змей двенадцатиглавой, он тебя съест!». — «А чем вы его будите?». — Вот, говорит, этой 12-пудовой дубинкой!». Вот Арикад-царевич взял эту дубинку, раз десять вытянул (ударил) этого змея дубинкой. Змей проснулся, разинул пасть. «А, Арикад-царевич! Ты моих двух братьев похитил (убил), а меня не придется. Я тебя на одну ладонку посажу, другой прихлопну, мокренько будет». — «Врешь, змей проклятой, с головы костист..., всего не съешь, подавишься!». Змей рассипелся на него, пошла у них война. Арикад-царевич дубинкою размахнулся, хватил — четыре головы ему ссек. В другой раз — четыре ссек. В третий раз — две ссек. «Погоди, змей проклятой! Дай отдохнуть!». — «Нет, не нужно отдыхать». Вот Арикад-царевич сшиб с него последние две головы, а змей ему руку попортил. Арикад-царевич огонь развел, этого змея сжег, пепел размел, сам отправился в дом. Пришел, и спрашивает его девица: «Что, убил?». — «Убил». — «Возьмешь, говорит меня замуж, так скажу, где твоя мать!». — «Возьму». Отдала она ему свой перстень. «Ступай, говорит, придет хрустальный дворец, тут твоя мать. Придешь, вели руку перевязать и иголкой приколоть. Когда твоя мать ляжет с Вихрем спать, ты ухватишься за толстый конец его тросточки; он с этою тросточкою всегда летает».

Арикад-царевич пошел, приходит в хрустальный дворец к матери. Она ему очень обрадовалась. Только она и говорит: «Ты, говорит, сам погибнешь и мне плохо будет». — «Ничего, мамаша! Ты меня спрячь, говорит, покажи, где его спальная». Она ему показала, он взял да и лег под кровать. Только влетает этот Вихорь. «Что русским духом пахнет?». Она ему и отвечает: «Это вы по Руси летали, русского духу нахватались!». Пошел потом Вихорь спать. Арикад-царевич и ухватил тросточку за толстый конец. Вихорь увидал. «Это, говорит, что?». — «Ничего!». — «Покинь (брось), говорит». — «Не покину». Вихорь и полетел с тросточкою, а Арикад-царевич держится и полетел с ним. Вихорь кричит: «Покинь!». — «Ни за что, говорит, не покину, Вихорь проклятый!». — «Покинь, не то за облака занесу!». — «Мне того-то и хочется, я там, говорит, не видал!». Вот он его под облака занес, Арикад-

царевич и говорит: «Два духа, явитесь сюда! Взять, этот Вихорь сжечь, пепел разместь, а меня потихоньку спустите!». Тотчас два духа явились, Вихорь сожгли, пепел размели, а Арикад-царевича потихоньку спустили.

Пришел он к матери своей. «Ну, мамаша! Пойдем. Убил я Вихорь, и пепел размели!». Вот она собралась, отправилась с ним. Идут и подходят к золотому дворцу. «Погодите, говорит, мамаша, дайте мне сюда зайти!». — «Ну, ступай!». Вошел он в этот дворец: «Собирайся, говорит, красна девица, пойдем!». Собралась она, пошла с ним. Отошли немного, Арикад-царевич и говорит: «Ах, говорит, какое прекрасное строенье! Жаль бросать!». — «А вам, говорит, Арикад-царевич хотелось бы это строенье взять с собой?». — «Как бы не хотелось!». — «Пойдите, говорит, зайдите в ворота, катайте по стенке рукой — все и скатается в яичко». Вот он катал, все яичко и скатал, скатал золотое яичко, положил в карман и пошел. Вот они опять пошли, приходят к серебряному дворцу. Взял с собой Арикад-царевич девицу из серебряного дворца, и серебряное яичко таким же образом. Потом и девицу из медного дворца и медный дворец также взял. Пошли.

Пришли они к этой (той) горе; Арикад-царевич стал дичь стрелять, зайцев, лисиц, зверей. Набил этих зверей, стали они ремни шить, спускаться с горы. Спустил он сперва мамашу свою, спустил первую невесту свою, потом вторую и третью. Только братья и говорят: «Давай вырвем ремень!». Вырвали ремень этот. Пошли в поход. Вот они и говорят своей мамаше и невестам, чтоб сказывать, что они ее достали. «Если не скажете, то вас сейчас убьем!». Она заклятье дали, землю ели, что она скажут так, как этим братьям надо. Отправились они в поход.

А этот Арикад-царевич ходит по горе и плачет: оставили его. Ходил, искал свои когти, не нашел ничего. Вспомнил: «Два духа, явитесь сюда!». Сейчас два духа явились сюда к нему. «Спустите меня отсюда, с этой горы!». Вот его сняли с этой горы, отправился он в поход. Вот только он идет, встречается с Арикад-царевичем волк. «Садись, говорит, Арикад-царевич, я тебя довезу!». Вот он сел на него, поехал. Привез он его к городу близко. А там уж эти братья его хотят жениться на его невестах, ищут в городе сапожника, не найдут ли получше.

Вот он услышал эту историю, пошел к сапожнику наниматься сапоги шить. Только пришел к сапожнику, сапожник его и спрашивает: «Что ты за молодец, говорит?». — «Я, говорит, сапожник, ищусь у хозяина наняться сапоги шить». — «А знаешь ли ты, братец, хорошо сапоги шить?». — «Тогда

посмотрите, какие сошью!». Нанял он его себе в сапожники. Вот Арикад-царевич и говорит: «Ну, хозяин, пойдем товар на сапоги закупать!». Пошли они товар на сапоги закупать. «Зайдем, говорит, в кабак, винца выпьем». Зашли они в кабак, винца попили. Пошли товары покупать на сапоги. Пришли домой. «Ну, крой, работник, сапоги-то!». — «Уж не твоя, говорит, забота, к свету будут готовы!». Вечер пришел; работники сели работать, а он лег на кровать, лежит себе. Вот только приходит к работнику хозяин. «Что ж ты, работник, не шьешь сапоги?». — «Уж не твоя, говорит, забота! Утро мудренее вечера, ложись спать!».

Вот эти работники легли спать; Арикад-царевич взял ножик, весь этот товар изрезал в мелкие куски. Изрезал и бросил в чулан. Сам вышел во двор, говорит: «Два духа, явитесь сюда!». Два духа явились к нему. «Что вам угодно, Арикад-царевич?». — «Чтобы мне сшить пару сапог, чтоб во всем Зарайске (то, бишь, в городе: все равно) не было таких». Пошел, лег спать. Хозяин поутру рано встает: «Что, работник, сапоги-то не шьешь?». — «Да уж у меня готовы! Погляди-ка!». Вот хозяин взял эти сапоги и смотрит, головой закачал: очень хорошо сшиты. Понес работникам показывает: «Вот какого бог дал мне работничка!». Работники так удивились. «Ему черт помогает», — думают. Посылает этот Арикад-царевич хозяина на базар. «Проси 50 рублей за эти сапоги!». Принес он на базар, купцы спрашивают: «Много ли за сапоги?». — «50 рублей». Сейчас у него сапоги выхватили, деньги дали. «На тебе 50 рублей!». Пришел он домой. «Вот какого, говорит, работничка мне бог дал!». Зовет его: «Пойдем, работничек, в кабак, выпьем!». Пошли они в кабак, из кабака в трактир. Вот они напились оба пьяны.

А царь прислал: в городе сапожников ищут, сапоги шить к свадьбе сыновьям своим. Там сказывают, что у нас есть Филька-хозяин, у него подмастерье хорош сапоги шить. Сейчас этого Фильку к царю потребовали. «Филька! ты сапоги можешь сшить?» — «Могу, говорит». — «Сшей, чтоб две пары сапог без меры в пору были!». — «Как же можно без мерки?». — «Как хочешь, а не сошьешь, голову долой!». Пошел этот Филька, заплакал. «Черт его на мою шею навалил, этого работника!».

Приходит домой, плачет. Арикад-царевич и спрашивает: «О чем ты, хозяин, плачешь?». — «Как не плакать? Черт его потрафит. Поди, сшей без мерки, чтоб сапоги были впору!». — «Эк, о чем плакать? Без мерки сапоги сшить, об этом плакать надо! Пойдем лучше, хозяин, в кабак, кстати на сапоги товару купим». Вот они попили, погуляли в кабаке в этом. «Ну, пойдем, хозяин, товар на сапоги покупать!». Купили товар на сапоги, может быть, целковых

на двадцать закупили. «Пойдем-ка, хозяин, еще выпьем полштофчика, тогда уж домой пойдем!». Выпили полштофчик, пошли домой. «Ну, хозяин! ложись спать: утро мудренее вечера, к утру будут готовы!». Только лег хозяин спать, изрезал он этот товар в клочки, бросил в чулан. Вышел во двор. «Два духа! Явитесь сюда!». Два духа явились к нему. «Что угодно вам, Арикад-царевич?». — «Чтоб две пары сапог готовы были моим братьям». — «Все будет готово!». Лег Арикад-царевич спать. А этого хозяина сон не берет, бегаёт он к работничку. «Что ж, работничек, сапоги не шьешь?». — «Да уж я сказал: сошью, так сошью!». Вот только опять хозяин прибежал. «Что ж ты, работничек, сапоги не шьешь?». — «Да провались ты с ними, они давно сшиты!». Этот хозяин зажег свечку, побежал сапоги посмотреть. Смотрит: сапоги очень хороши. «Вот мне бог дал работничка-то какого!». И показывает работникам: «Вот каковы сапоги сшил работник-то!». Работники и говорят: «Верно, ему черт помогает: как скоро сшил!».

Вот утром работник посылает хозяина к царю: «Поди, говорит, неси сапоги!». Вот этот хозяин понес сапоги к царю. Вот царь спрашивает: «Что, сшил, Филька?». — «Сшил». — «Ну, молодец, брат». Принесли, сапоги этим детям, надели сапоги. Точь-в-точь. Очень сапоги понравились: очень хорошо сшиты. Царь и спрашивает: «Что же, говорит, тебе за работу?». — «Что пожалуете!». Царь открыл ему сундук с золотом. «Бери, сколько тебе надо!». Этот хозяин насыпал малахай золота. Вот бежит этот хозяин, только увидел работничка своего: «Работничек батюшка! Пойдем в кабак!». Пошли в кабак, из кабака в трактир, гуляют да и кончено дело. Гуляли, гуляли.

Царь опять присылает, требует его. Приехал к царю, царьки говорит: «Молодец! Ты мне сшил две пары сапогов, теперь три пары башмаков сшей без мерки, а чтоб впору были, а то голову с тебя долой!». Бежит Филька, плачет. Арикад-царевич спрашивает: «Что ты, хозяин, плачешь?». — «Черт тебя навязал мне на шею, горе мне с тобой!». — «Да что такое, скажи!». — «Да вот царь опять велел мне три пары башмаков сшить без мерки, разве можно без мерки потрафить?». — «Э, думать о чем! Пойдем в кабак!». Пошли они в кабак, попили в кабаке. «Ну, пойдем, хозяин, теперь на башмаки товар покупать!». Вот закупили они товару, пошли домой. Пришли домой. «Ложись, хозяин, спать, утро мудренее вечера! Утром все будет готово!». Вот легли они спать.

А этот работник товар изрезал в клочки да в чулан бросил. Вышел на двор. «Два духа! Явитесь сюда!». Два духа явились. «Что вам угодно, Арикад-царевич?». — «Сшейте мне три пары башмаков, чтоб без мерки впору

были!». Лег Арикад-царевич спать, спит себе. А хозяина сон не берет, так и бегаёт к работнику. «Что ты не шьешь, работничек?». — «Тебе, говорит, что за дело? Сказал, что сошью, так сошью!». Немного погодя Филька опять прибежал к нему. «Что ж ты, работничек, не шьешь?». — «Да я уж сшил. Возьми, провались ты с ними совсем!». Вот этот посмотрел башмачки, так и осветило комнату от брильянтов-то.

Вот утром работник и посылает хозяина: «Поди, неси к царю башмаки!». Приносит он к царю башмаки. «Что, Филипп, сшил?». — «Сшил». Вот только царь говорит: «Отнесите, говорит, померяйте, годятся ли эти башмаки?». Только померяли девице башмаки, точь-в-точь пришлись. Сказывают там, что впору башмаки. Сейчас государь отпер этот свой сундук. «Ну, Филька! Бери, сколько надо тебе денег!». Вот Филька насыпал малахай денег, пошел домой. Только увидал он своего работника: «Пойдем, работник, в кабак!». Приходят в кабак. Попили, погуляли тут в кабаке. Из кабака в трактир пошли гулять. Напились пьяны опять оба.

Вот только царь опять присылает за этим за Филькой. Еле этого Фильку к царю привезли, пьян очень. «Ну, Филька, ты мне все сделал. Сделай мне три пары платья без мерки!». — «Помилуйте, ваше царское величество, я не портной!». — «Сшей, братец, а то с тебя голову долой! Чтоб без мерки впору было!». Вот идет Филька, плачет: «Батюшки мои!». Увидал работника: «Черт, говорит, навязал его на мою шею!». — «Да скажи, что такое?». — «Велел царь сшить три пары платья! Разве я портной?». — «Ну что ты боишься? Сошьем!». Тут немного хозяин повеселел. «Пойдем, хозяин, в кабак. Там по пути закупим и матерьи для платья». Пошли они в кабак, из кабака в трактир. Этот работник славно нарезался, пьян сделался. А хозяина и хмель не берет, словно не пил. Пристает к работнику: «Ну, работничек, пора идти, говорит». — «Ну, пойдем!». Вошли они в лавку, закупили материй и отправились домой. Пришли домой. «Ну, хозяин, ложись спать. Утро мудренее вечера. Утром все будет готово!». Лег спать хозяин. Этот работник взял изрезал всю матерью в клочки, всю под лавку положил. Вышел на крыльцо, сказал: «Два духа! Явитесь сюда!». Два духа явились сюда. «Что вам угодно, Арикад-царевич?». — «Вот чтоб были три платья готовы моим самым невестам, чтоб без мерки впору были!». — «Все будет готово, Арикад-царевич!».

Пошел, лег спать. А хозяина сон не берет. «Что, работничек, не шьешь платья-то?». Бегаёт, все торопит. «Да я уж сшил, провались ты с ними совсем!». Вот хозяин посмотрел: платья всю комнату осветили, с

брильянтами. Вот утром работник и посылает хозяина: «Поди, хозяин, неси к царю платья!». Приносит он платья. И впору прились, и очень понравились. Вот царь отпер сундук. «Бери, сколько хочешь!». Вот он набрал полный малахай золота. Царь и говорит: «Приходи завтра свадьбу смотреть!». Рад хозяин, бежит домой с деньгами. Увидал работника. «Пойдем, брат, в трактир или ев кабак. Ты меня лучше всех выручил!». Напились они оба допьяна, пришли домой. «Ну, хозяин, завтра пойдем свадьбу смотреть?». — «Пойду, меня царь звал». — «Пойдем вместе!».

Вот они легли спать, утром встают, пошли опять в кабак. «Ну, говорит, хозяин, пойдем на свадьбу. Теперь пора, говорит». Вот они отправились. Приходят к церкви, не пускают их жандармы, казаки. «Вы, говорят, куда идете?». — «Смотреть, говорят, свадьбу!». Их не пускают. Этот Арикад-царевич какого ни хватит, тот упадет, мертвый лежит. Этот его Филька идет, опинается, боится. Он (Арикад-царевич) схватил его за кушак, тащит: «Пойдем, говорит». Вот только его не пускают. Он какого ни ударит, так от него и летят. Царь услышал. «Что это там за шум за такой?». — «Да вот, говорят, какие-то два мужика-невежи дерутся!». Царь вышел. «Что вы делаете?». Сейчас Арикад-царевич упал на колени перед царем: «Виноват, папенька! Простите меня!». Царь удивился, узнал, что это сын его.

Сейчас остановили венчать. «Погодите, не венчайте, говорит». Арикад-царевич ему все рассказал, как он доставал девиц этих и мать свою. Государь спросил у этих девиц и матери, что правда это или нет? Они сказали: «Правда!». Сейчас оставили венчать, приехали во дворец. Государь и велел для этих братьев жеребцов хороших из стойла привести и по полю размыкать. Вот только Арикад-царевич пошел гулять, вышел на ровное место и начал золотое, серебряное и медное яички катать. И вышел дворец золотой, потом серебряный и медный. И рассказывает, что эту девицу из этого дворца взял, эту из этого. А его самого повенчали на девице, которая была из золотого царства. Повенчали их. Ну, знамо, на свадьбе попили, погуляли. Я там был, вино пил, по усам текло, в рот не попало.

(Село Мишино Зарайского уезда)

Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Издательство "Наука".
Москва-Ленинград, 1964.